

Потенциальный вклад Болонского процесса в повышение международно- политической привлекательности России

М.А. Чепурина

Категория «государственное влияние» получает сегодня все более широкую и многовекторную трактовку, которая выходит за рамки исключительно военного могущества или экономической силы. Традиционные категории влияния шаг за шагом уступают позиции более тонким формам воздействия – народной дипломатии, международному имиджу нации, созданию и поддержанию которых в немалой степени способствует интернациональное предложение образовательных услуг. Экономика знаний постепенно становится фактором глобального влияния, «силы» для ряда государств. В 2013 г. исполнится десять лет с момента вступления России в Болонский процесс, запущенный в июне 1999 г. министрами образования 29 европейских стран. В статье анализируется потенциальный международно-политический вклад Болонского процесса в развитие российских инструментов мягкой власти, таких, как народная дипломатия, неполитизированное продвижение пространства русского языка и укрепление диалога Россия–ЕС посредством интенсификации его культурно-образовательной составляющей.

В статье «Российская дипломатия в меняющемся мире» министр иностранных дел С.В. Лавров отмечал, что современная дипломатия больше не ограничивается «кабинетной политикой» вокруг территориального передела мира или рынков сбыта. В ее задачи входит решение широкого спектра вопросов национальной жизни – «от обеспечения безопасности в ее «глобальном» прочтении до вопросов эффективного и устойчивого социально-экономического развития и защиты окружающей среды»¹.

Болонский процесс, чья проблематика выходит за рамки высшего образования, является одним из примеров меняющихся приоритетов. Процессы глобализации, революция в сфере коммуникаций привели к тому, что роль информации,

знаний и соответственно образования радикально возросла. Экономика знаний постепенно стала фактором глобального влияния, «силы» для ряда государств. «Главная надежда России – это высокий уровень образования населения, и прежде всего молодежи. [...] Мы вступаем в новую социальную реальность. Образовательная революция кардинально меняет сам облик российского общества и российской экономики», – отмечал в своей предвыборной программе В.В. Путин².

Беспрецедентное усиление взаимозависимости всей системы международных отношений вовлекает страны в мало изученные и в чем-то, возможно, неосознанные процессы. Категория «государственное влияние» получает более широкую и многовекторную трактовку. По мнению

Чепурина Мария Александровна – аспирант российско-французской аспирантуры по мировой политике МГИМО(У) МИД России–ИНАЛЬКО, Франция. E-mail: maria.chepurina@gmail.com

■ Свежий взгляд

Дж. Ная, одного из авторитетных специалистов в данной сфере, сегодня власть в мире осуществляется в трехмерном измерении, включающем векторы военного могущества, экономической силы и транснациональных отношений, выходящих за рамки прямого государственного регулирования³.

Чтобы считаться сильным и успешным, государству необходимо работать на всех трех треках, в результате чего традиционные категории государственной власти шаг за шагом уступают позиции более тонким формам воздействия – народной дипломатии, международному имиджу нации, созданию и поддержанию которых не в последней степени способствует предложение образовательных услуг, в особенности высшее образование⁴.

Сегодня актуально и высказывание французского мыслителя XIX в. Ж. Ренана, который утверждал, что в мире есть «народы и государства двух порядков: у одних есть ученые, у других нет. Эти последние находятся в упадке, как в политическом, так и в интеллектуальном»⁵. Образование, в особенности высшее, сегодня играет все большую роль в определении векторов международно-политического развития⁶.

Осознание возможностей и вызовов, порождаемых новыми международными реалиями, в значительной степени подтолкнуло к созданию Болонской системы, инициированной и развивающейся как определенный политический выбор «большой» Европы⁷.

Цели России при вступлении в Болонский процесс в 2003 г. совпадали с целями Болонского проекта. В пресс-релизе по окончании конференции министров образования европейских стран в Берлине в 2003 г., на которой Россия стала официальным членом Болонского процесса, председатель Комитета Госдумы по образованию и науке А. В. Шишлов заявил, что данный акт не только будет способствовать упрощению технических процедур взаимного признания российских и европейских дипломов, но и станет фактором, способствующим развитию экспорта российского образования. По его мнению, «этот шаг придаст мощный импульс российской высшей школе и будет способствовать повышению качества образования в нашей стране и его конкурентоспособности в мире»⁸.

В чем же состоит международно-политический потенциал Болонского процесса для России и каковы возможности его практического применения в интересах страны?

Болонский процесс: политический выбор «большой» Европы

В 2013 г. исполнится десять лет с момента вступления России в Болонский процесс, запущенный в июне 1999 г. министрами образования 29 европейских стран. В марте 2010 г. процесс был преобразован, как и предусматривалось в Болонской декларации, в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО), объединившее 47 государств и ставшее (после присоединения России, государств Закавказья, Турции и Казахстана) поистине «панъевропейским».

Долгосрочная цель процесса – формирование «привлекательного и конкурентоспособного на международном уровне Европейского пространства высшего образования» с целью повышения эффективности национальных образовательных систем, усиления их взаимосвязи с непосредственными нуждами общества и увеличения вклада высшего образования в экономическое и инновационное развитие, при этом полностью уважая культурное и лингвистическое разнообразие стран-членов⁹.

Очевидно, что ни решение, ни механизмы, обеспечивающие функционирование и развитие Болонской системы, не были приняты в один день. Так, программа Эразмус (Erasmus), в рамках которой развивается транснациональная кооперация высших учебных заведений в Европе, а также финансируются студенческие обмены, была запущена Европейской комиссией еще в 1987 г.¹⁰. Аналогично необходимость укреплять связи между высшими учебными заведениями как Европы, так и всего мира, способствуя духовному единству Европы и свободному передвижению учителей и студентов, была озвучена уже в Великой Хартии университетов, Magna Charta Universitarum, принятой в 1988 г. на праздновании 900-летия старейшего в Европе Болонского университета.

В Хартии подчеркивалось, что инициатива по ее принятию была запущена не «властями свыше», а она была разработана университетами как часть получившего широкую поддержку долгого процесса, опиравшегося, с одной стороны, на фундаментальные ценности европейских университетских традиций, с другой стороны, укреплявшего связи между высшими учебными заведениями во всем мире¹¹.

Вместе с тем именно принятие на высшем, правительственном, уровне Болонской декларации стало ключевым фактором в развитии процессов гармонизации национальных образовательных систем на всем панъевропейском пространстве.

Страны-участницы, учитывая постоянно возрастающую роль образования в политическом, экономическом и духовном формировании «просвещенной Европы», в развитии и укреплении «устойчивых, мирных и демократичных обществ», а также в повышении привлекательности европейской культуры на мировом уровне, в ходе проходящих раз в два года Министерских конференций, ставят перед собой общие цели по консолидации ЕПВО. Очередная Министерская конференция, недавно состоявшаяся в Бухаресте, акцентировала деятельность на трех направлениях – «качественном высшем образовании для всех», «возможности трудоустройства выпускников в пределах всего пространства» и «мобильности»¹².

При более детальном рассмотрении все они представляют собой основные элементы Болонской системы, заложенные еще в Декларации 1999 г., за исключением последнего пункта, который был сформулирован впоследствии, и предусматривали¹³:

- принятие системы понятных и сопоставимых степеней посредством введения трехциклового системы подготовки (бакалавр–магистр–доктор);
- внедрение европейской системы зачетных единиц, представляющих собой единую систему учета процесса обучения во всех государствах;
- создание системы независимого контроля качества;
- развитие индивидуальных образовательных траекторий, в том числе и через принцип «образования в течение всей жизни»;
- содействие крупномасштабной студенческой, преподавательской и исследовательской мобильности;
- поддержка социального измерения высшего образования за счет включения в процесс наименее обеспеченных групп населения.

Эти цели весьма актуальны и для России, имеющей 300-летнюю историю образования мирового уровня и правомерно считающей высшее образование одной из своих конкурентоспособных отраслей с пока слабо реализованным потенциалом.

Международно-политический потенциал Болонского процесса

Развитие Болонского процесса, внесение вопросов образования в повестку дня встреч на высшем политическом уровне свидетельствуют о том, что образование «становится политикообразующим фактором современного мира, определяя его облик и направления политического и социально-экономического развития»¹⁴.

Инструмент народной дипломатии

В одном из интервью председатель Европейской комиссии Ж.М. Баррозу с гордостью назвал участников программ студенческих обменов, финансируемых ЕС, «лучшими послами Европейского союза»¹⁵. Болонский процесс – площадка, открывающая возможность и облегчающая студентам, исследователям и преподавателям стран-участниц использовать возрастающую международную мобильность как для развития личного потенциала, так и для продвижения имиджа своей страны и ее образовательного пространства за рубежом.

Влияние государства и привлекательность его имиджа все сложнее измерить конкретными статистическими показателями. В данном контексте Дж. Най приводит наглядный пример: как и в случае любви, говоря о которой довольно сложно утверждать, что определенный предмет любим в 3,2 раза больше, чем другой, перцепция влияния государства является в первую очередь процессом «интеллектуально-эмоциональным»¹⁶.

Тем не менее сейчас широко признается: «твердые» категории власти, такие, как вооруженные силы, территориальные и природные ресурсы, постепенно уступают позиции «мягкой» власти, а именно – конкурентной экономике, народной дипломатии, моральному авторитету и привлекательности, а также качеству человеческого потенциала¹⁷.

Это приводит к ситуации глобальной конкуренции не только за умы и деньги студентов, но и за их «сердца», за возможность создавать долгосрочные связи на уровне сообществ, формируя систему ценностей и определенное мировоззрение у «иностранных гостей»¹⁸. В 2001 г. госсекретарь К. Пауэлл отмечал, что «не видит более ценного ресурса для США, чем дружба будущих мировых лидеров, прошедших здесь обучение»¹⁹.

Не менее интересен пример американского мягкого воздействия на советскую элиту, приводимый в статье Ная, посвященной «мягкой» власти и высшему образованию («Soft power and Higher Education»). По его мнению, на А.Н. Яковлева, члена и секретаря ЦК КПСС (1986—1990), члена Политбюро ЦК КПСС (1987—1990), одного из основных идеологов перестройки²⁰, в значительной степени повлияли годы обучения в Колумбийском университете США (1958-1959), дружба с профессором Дэвидом Труманом, а также последующая работа в Канаде²¹. Сегодня в качестве одного из примеров приводится российский оппозиционер А.А. Навальный, который в 2010 г. был приглашен принять участие в престижной программе молодых лидеров, организуемой американским Йельским университетом²².

Подобные программы содержат серьезный потенциал формирования ценностных ориентиров у их участников, которые по возвращении на родину применяют их на практике, а также повышают уровень поддержки политики принимающего государства²³.

Москва традиционно делает значительно больший упор на элементы твердой силы, такие, как вооруженные силы, природные ресурсы и военно-политические альянсы. Сложный период постсоветского развития не позволил России 1990-х гг. сформировать и реализовать полноценную программу поддержания позитивного имиджа страны на международной арене. Необходимость пересмотра данного подхода для максимизации преимуществ, создаваемых глобализацией и усилившейся открытостью мира, начинает осознаваться сегодня. Болонский процесс может стать для России средством эффективного повышения своей привлекательности и глобальной конкурентоспособности, содействуя при этом и развитию российского человеческого потенциала.

Студенческие и академические обмены потенциально являются эффективными инструментами народной дипломатии. Проводя относительно длительный период времени в другой стране (в рамках академической мобильности учитываются сроки пребывания не менее одного учебного года), иностранные студенты смогут лучше узнать и понять ее ценности, людей, сформировать собственное мнение о ней в противовес негативному подчас освещению реалий России и ее политики в зарубежной прессе. Более того, знание языка и культуры облегчает понимание, а процесс совместного обучения генерирует контакты и связи, остающиеся впоследствии.

■ Свежий взгляд

В результате создаются сети контактов (networks), развиваются навыки интернациональной коммуникации и адаптации. К примеру, «диссертация – это не разовое научное усилие, это процесс, подразумевающий в том числе и адаптацию, и коммуникацию внутри профессионального сообщества», в результате чего у аспиранта-ученого вырабатываются навыки работы в международной среде и устанавливаются связи в транснациональном академическом сообществе²⁴.

Народная дипломатия, нацеленная на «открытый диалог, сопоставление позиций, создание благоприятного климата для развития международного взаимодействия»²⁵, обладает значительным потенциалом в современных условиях транснационализации мировой политики. Именно поэтому руководство КНР, энергично работая над формированием своего имиджа, активно включилось в последние годы в программы академической мобильности и привлечения талантливых специалистов на родину. Уже сегодня китайские специалисты, проходившие учебу за рубежом еще в 1980-х гг., вносят вклад в укрепление позиций страны. По данным Чэн Ли из Института Брукингса, США, 61 представитель высшей политической элиты КНР имеет существенный опыт работы или учебы за рубежом (более одного года). В процентном соотношении данный показатель невысок (5–6%), однако он заметно возрастает, если при анализе учитываются члены Китайской академии наук, главы партийных школ и НИИ. Для сравнения: по данным агентства «РейтОП», из 1278 высших российских чиновников лишь трое имели в 2010 г. степень западного вуза²⁶.

Не стоит также забывать, что данный инструмент уже задействовался Россией ранее. Еще до революции Россия использовала политическую составляющую высшего образования, предоставляя свои образовательные услуги политическим элитам как разных частей империи (особенно элите Северного Кавказа), так и другим славянским государствам. Так, в 1865 г. на заседании Совета при министре народного образования было признано целесообразным начать обучение иностранных граждан в учебных заведениях России. Вскоре в Петербургский, Московский, Новороссийский университеты и в ряд других гражданских и духовных образовательных учреждений прибыли на учебу студенты из Болгарии, Албании, Боснии, Герцеговины, Сербии и других государств. Им императором Александром II предоставлялись специальные государственные стипендии²⁷.

СССР также стремился укреплять свои позиции в мире, в том числе и посредством подготовки политических элит бывших советских республик, а также дружественных стран Африки, Азии и Латинской Америки. По данным Министерства образования, накануне распада СССР в его вузах обучалось 126,5 тыс. иностранцев. Это составляло 10,8% общемировой числен-

ности иностранных студентов и позволило советским вузам занять по их численности третье место в мире после американских и французских вузов (в США в 1990 г., по данным ЮНЕСКО, обучалось 407,5 тыс. иностранных студентов, во Франции – 136 тыс.)²⁸.

После распада СССР доля России на международном рынке образовательных услуг значительно сократилась. На сегодняшний день, по последним данным ЮНЕСКО (2011 г.), Россия принимает 136,791 тыс. иностранных студентов, занимая 1,9% мирового рынка предоставления образовательных услуг. Практически весь нынешний иностранный студенческий контингент составляют граждане стран Центральной и Восточной Европы (41,2 тыс.), де-факто из государств постсоветского пространства, а также Центральной Азии (60,7 тыс.). На 2011 г. доля студентов из ЕС и США составляла менее 1% (1,3 тыс.). Не лучше обстоит положение дел и в плане участия российских студентов в обменных программах. Россия стоит на десятом месте, ежегодно посылая всего 42,9 тыс. человек. И это при том, что за последние тридцать лет уровень студенческой мобильности в мире увеличился в 2,5 раза²⁹.

Позитивным является то, что потенциал международных образовательных программ начинает широко осознаваться в России. Разработанный в 2011 г. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на 2011–2020 гг. следующим образом формулирует интересы России в сфере интернационализации услуг высшего образования³⁰: образование является одним из важнейших конкурентных преимуществ России. Вместе с тем на фоне высокого уровня образованности населения и постоянно растущего внутреннего рынка образовательных услуг доля России в международном рынке образовательных услуг практически не растет. Это не только упущенная экономическая выгода, но и упускаемые политические возможности влияния России на международной арене через распространение российских достижений в области науки и технологий, русского языка и российской культуры, через подготовку кадров профессиональной и политических элит для других стран мира.

Механизмы, предусмотренные Болонской системой, могут способствовать продвижению на данном направлении. Однако остается открытым вопрос: в какой степени Болонский потенциал будет задействован на практике?

Неполитизированное продвижение пространства русского языка

Механизмы ЕПВО, в особенности в отношении бывших союзных республик, имеющих совместно с Россией общее пространство русского языка, могут быть эффективно использованы как для сохранения российской культурной идентичности в этих странах, так и для преодоления демографического провала, с которым

российские вузы столкнулись в последнее десятилетие. Как отмечает академик А.В. Торкунов, российским вузам не приходится ждать экстенсивного роста спроса на их услуги. В ближайшие годы перед ними встанет реальная задача бороться за потенциальных и в особенности талантливых студентов, «перераспределяя спрос в свою пользу»³¹. С учетом тенденций глобализации образовательных услуг, обозначенных в первой части, бороться придется не только с другими российскими вузами. Плюсы данной ситуации в том, что и спрос со стороны студентов, при правильном проведении университетской и государственной политики, будет также интернациональным. Более того, стабильные партнерские связи с зарубежными вузами, международная академическая и научная кооперация становятся все более важным фактором влияния, конкурентным преимуществом, визитной карточкой страны.

*Сфера полномасштабного диалога
Россия–ЕС*

ЕПВО является ключом к расширению диалога России с ЕС. Как отмечает профессор МГИМО Г.И. Гладков, для России, исторически и культурно относящей себя к Европе, было бы ошибочно оказаться в стороне от процесса формирования новой системы высшего европейского образования, упустить возможность «войти в общеевропейские институты через парадную дверь»³².

На саммите Россия–ЕС в мае 2005 г. были утверждены четыре «дорожные карты» по мерам сотрудничества в области экономики и торговли; свободы, безопасности и правосудия; внешней политики и безопасности; науки, образования и культуры. В принятой «дорожной карте» по общему пространству науки и образования, вопросам гуманитарного образовательного сотрудничества, в первую очередь в рамках Болонского процесса, уделено особое внимание. МИД России по этому вопросу подчеркивает, что данная договоренность должна «способствовать развитию контактов между людьми, продвижению общих ценностей и внести вклад в повышение конкурентоспособности экономик России и ЕС»³³.

Из четырех общих пространств именно пространство образования, науки и культуры является той сферой, где у России и ЕС имеется меньше всего принципиальных стратегических разногласий, препятствующих сотрудничеству³⁴.

Более того, являясь многовекторным и многоуровневым процессом, ЕПВО представляет собой форму более широкого общественного диалога, который развивается как на уровне

непосредственного диалога Россия–ЕС, так и между Россией и отдельными правительствами, университетским, гражданским и бизнес-сообществами.

Если высшее образование действительно рассматривать как политикообразующий фактор, углубление процесса такого сотрудничества должно повлечь за собой через определенное время расширение сотрудничества и в других сферах.

**Заключение: почему пока только
потенциальный вклад?**

В России нет авторитетных политиков, выступающих за ухудшение отношений между Россией и ЕС. Но, как отмечает М.Л. Энтин, если «все за улучшение отношений, надо действовать»³⁵. Необходимы постепенные, продуманные и конкретные шаги, направленные на сближение. Совместные образовательные программы, двойные дипломы, академические обмены – как раз из тех шагов, которые позволят России не следовать за развитием событий, а самой формировать, совместно с партнерами, правила игры.

Более того, такое партнерство будет носить долгосрочный и искренний характер. Искренний именно потому, что «вытекает из рационального и дальновидного собственного интереса»³⁶. С этой точки зрения присоединение России к Болонскому процессу, несмотря на настоятельность и критику со стороны ряда академических деятелей и публицистов³⁷, было стратегически верным. Сегодня эта стратегия требует заземления, конкретной программы действия.

***Chepurina M Potential Contribution of
the Bologna Process to Strengthening Russian
International Political Attractiveness.***

Summary: *The category of “state power” is becoming increasingly complex and multi-faceted today, no longer being solely based on military or economic strength. Traditional categories of power gradually give place to more subtle forms of influence among which public diplomacy and attractive international image of a nation, which can be created and sustained, among others, via international higher education cooperation promotion. Nowadays, knowledge economy is becoming a tool of international influence for a number of states. In 2013 Russia will be celebrating ten years since it joined the Bologna Process, launched in June 1999 by the Ministers of Education of 29 European countries. The article analyses the potential international political contribution of the Bologna system to the development of Russian soft power tools, such as public diplomacy, Russian language promotion and strengthening the EU-Russia cooperation through the intensification of its cultural and educational component.*

Ключевые слова

Высшее образование, международные отношения, мировая политика, «мягкая» сила, Болонский процесс, Россия.

Keywords

Higher education, international relations, world politics, soft power, Bologna process, Russia.

Примечания

1. Лавров С.В. Российская дипломатия в меняющемся мире//Федеральный справочник. Том 23. Апрель 2010 г. URL : http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/120AA79468FE6685C325771500288220
2. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить//Известия. 16.01.2012
3. Nye J. The Future of Power. New York: Public Affairs. 2011. С. XV.
4. Так, на сайте Минобр Науки России цитируется впечатляющий пример города-государства Сингапур, превратившийся в крупный международный образовательный центр, активно использующий различные современные, в том числе дистанционные формы обучения. Активно рекламирует за рубежом образовательные услуги своего единственного университета даже Мальта, предлагая иностранным студентам и школьникам (в том числе российским) обучение на разнообразных языковых курсах. URL : <http://www.russia.edu.ru/information/analit/1300/>
5. Ренан Ж. Будущее науки. Цит. по: Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М.: Фонд Новое тысячелетие, 1994.
6. Лебедева М.М. Введение / М.М. Лебедева // Болонский процесс: проблемы и перспективы. М.: Оргсервис, 2006. С. 6-10.
7. С 2010 г. членами Болонского процесса являются 47 государств: Австрия, Азербайджан, Албания, Андорра, Армения, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Ватикан, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Грузия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Казахстан, Кипр, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Македония, Мальта, Молдавия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Черногория, Швейцария, Швеция, Эстония. «Белым пятном» на европейском векторе пока остается Белоруссия, запрос на членство которой был отклонен в 2012 году.
8. Россия вступила в Болонский процесс, пресс-служба Комитета ГД по образованию и науке, 20.09.2003. URL.: <http://www.shishlov.ru/education/bologna/index.phtml?id=279>
9. Декларация о Европейском пространстве высшего образования, Будапешт–Вена, 12 марта 2010 г. URL: http://bologna-centr.at.ua/PDF/2010_Budapesht.pdf
10. Европейская комиссия, агентство по образованию и культуре. URL: http://eacea.ec.europa.eu/lip/erasmus/erasmus_en.php
11. Роверси Ф. Установление Великой Хартии Вольностей// Обсерватория Фундаментального Университета Ценностей. 24.10.2003. URL: http://www.magna-charta.org/library/userfiles/file/mc_russian.pdf
12. Making the most of our potential : Consolidating the European Higher Education Area// Bucharest Communiqué of 27 April 2012. URL : <http://www.ehea.info/Uploads/%281%29/Bucharest%20Communique%202012%281%29.pdf>
13. The Bologna Declaration of 19 June 1999. URL : http://www.bologna-bergen2005.no/Docs/00-Main_doc/990719BOLOGNA_DECLARATION.PDF
14. Лебедева М.М. Европейская интеграция в области высшего образования: потенциал сотрудничества университетов России и Латвии// Журнал «Рэлга». 2005. №9.
15. Самойлов В. Лучшие послы ЕС: студенты, а не дипломаты//Вся Европа, 2007. URL : <http://www.alleuropa.ru/luchshie-posli-es>
16. Nye J. The Future of Power. New York: Public Affairs: 2011.
17. Nye J. Soft Power : the Means to Success in World Politics. New York. Public Affairs: 2004.
18. Панова Е. П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства//Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2. С. 157-161.
19. Цит. по: J. Nye. Soft Power and Higher Education. 2006. URL : <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/ffp0502s.pdf>
20. Яковлев А.Н. Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идет // Независимая газета, 2 декабря 2003. URL : http://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html
21. J. Nye. Soft Power and Higher Education. 2006. URL : <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/ffp0502s.pdf>
22. Yale World Fellows Program 2010. URL: <http://www.yale.edu/worldfellows/fellows/navalny.html>
23. Панова Е. П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства//Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2. С. 158.
24. Касаткин П.И., Харкевич М.В. Модернизация послевузовских образовательных программ в МГИМО (промежуточные результаты)// Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4. С. 305-311.
25. Зонва Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. М.: Росспэн. 2003. С. 144
26. Шапошников В. Поездка к альма-матери// Коммерсантъ. 31 окт. 2011. URL : <http://kommersant.ru/doc/1802472/print>
27. Экспорт образовательных услуг в системе высшего образования Российской Федерации. Министерство образования РФ. URL : <http://www.russia.edu.ru/information/analit/1300/>
28. Там же.
29. Всемирный доклад по образованию 2011г. Сравнение мировой статистики в области образования// Монреаль: Институт статистики ЮНЕСКО. URL : http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/global_education_digest_2011_en.pdf
30. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на 2011-2020 гг . URL : <http://www.russia.edu.ru/news/discus/concept/3783/>
31. Торкунов А. В. Задачи и вызовы университетской политики// Международные процессы. 2011. № 1(25).
32. Гладков Г.И. Болонский процесс в России: «дорожная карта»//Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе/под общ. ред. К. Пурсийнена и С.А. Медведева. М.: РЕЦЭП, 2005. С. 68.
33. «Дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты, утверждённая на саммите Россия–ЕС, Москва, 10 мая 2005 года. URL: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/845422B0A48CC826C325700A00360421
34. Костуева-Жан Т. Россия в Болонском процессе: оценки четырехлетнего опыта и перспективы, 2007 г. URL: <http://www.iori.hse.ru/es/materials/T.Kastueva-Jean.pdf>
35. Позитивный пример сотрудничества между Россией и ЕС в сфере образования //Вся Европа. 2009. №3(31).
36. Бжезинский Зб. Понять последствия: стратегическое предвидение отношений России и Запада// Интервью Российской Газете , 29.03.2012. URL : <http://www.rg.ru/2012/03/28/bjezinskiy-poln.html>
37. См., например, Кара-Мурза С.Г. Угасание разума: Болонская система//Наша власть: дела и лица. 2007. № 9(77). URL : http://nashavlast.ru/article_description/1/11.html; Садовничий В.А. Оболонят ли Россию? 9 сентября 2003 г. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=393561>